
А.Я. Рубинштейн

ТЕОРИЯ ОПЕКАЕМЫХ БЛАГ
И ПАТЕРНАЛИЗМ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ТЕОРИЯХ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Москва
Институт экономики
2015

Рубинштейн А.Я. Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное. – М.: Институт экономики РАН, 2015. – 52 с.

ISBN 978-5-9940-0514-9

Работа посвящена сравнительному методологическому анализу теории общественных и мериторных товаров, концепции либертарианского патернализма и теории опекаемых благ. В ней обсуждаются некоторые модификации двух принципов – методологического субъективизма и методологического индивидуализма, составляющих основу ряда теорий, обосновывающих государственную активность. Выполненный анализ основных предпосылок позволил автору предположить, что, с точки зрения методологии эти теоретические построения являются частными случаями теории опекаемых благ, фундамент которой составляют «методологический субъективизм», «методологический релятивизм», обуславливающие природу нормативных интересов. Рассматриваются институциональные и политологические аспекты формирования этих интересов общества «*sui generis*», в основе которых лежат «коллективные решения», и сформулирован общий принцип политической конкуренции в виде еще одной предпосылки – необходимость создания институтов, ограничивающих «диктатуру» парламентского большинства. В последней главе представлены примеры конкретных институтов такого рода.

Ключевые слова: опекаемые блага, общественные товары, меритория, либертарианский патернализм, методологический субъективизм, методологический индивидуализм, методологический релятивизм, нормативные интересы, политическая конкуренция, институты.

Классификация JEL: C70, C72, D5, D6, D7, H41.

Rubinstein A.Y. The Theory of Patronized Goods and the Paternalism in Economic Theories: General and Special. Moscow, RAS Institute of Economy, 2015. – 52 p.

The work is devoted to a comparative methodological analysis of the Theory of Public and Meritory Goods, to the Concept of Libertarian Paternalism and to the Theory of Patronized Goods. It discusses some modifications of the two principles, which are as follows: the methodological subjectivism and the methodological individualism, that constitute the basis of a number of theories, substantiating the state activity. The executed analysis of the main prerequisites allowed the author to assume that, in terms of methodology, these theoretical constructs are the special cases of the Theory of Patronized Goods, which make up the foundation of «the methodological subjectivism», «the methodological relativism», stipulating the nature of regulatory interests. The final part of the study discusses the institutional and political science aspects of the formation of these public interests called «*sui generis*», which are based on «the collective decisions», and the general principle of political competition is formulated in the form of yet another premise – that is about the need to establish the institutions that limit the «the dictatorship» of the parliamentary majority. The annex to the main text provides the examples of specific institutions of this kind.

Keywords: patronized goods, public goods, meritorics, libertarian paternalism, methodological subjectivism, methodological individualism, methodological relativism, regulatory interests, political competition, institutions.

JEL Classification: C70, C72, D5, D6, D7, H41.

ISBN 978-5-9940-0514-9

© Институт экономики РАН, 2015

© Рубинштейн А.Я., 2015

© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Иррациональность, субъективизм и патернализм	8
Глава II. Методологический релятивизм	17
Глава III. Интерес общества «sui generis»	28
Глава IV. Приложение — примеры институтов парламентского голосования	39
Вместо заключения	42
Литература	44

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа относится к методологическим размышлениям автора в русле концепции экономической социодинамики (Гринберг, Рубинштейн (2008, 2010, 2013), Grinberg, Rubinstein (2005)) и теории опекаемых благ (Рубинштейн (2009а, 2009б, 2014)). В ней продолжены исследования, представленные в статье «Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии» (Рубинштейн (2012)), открывшей дискуссию на страницах журнала «Общественные науки и современность». При этом попытки представить теорию опекаемых благ, оставаясь в границах неоклассической аксиоматики, порождают неразрешимые противоречия. Стало ясно — нужно возвращаться к началу, к обсуждению исходных предпосылок.

Дополнительным толчком к исследованию такого рода стали статьи В. Полтеровича, посвященные кризису экономической теории и общему социальному анализу (Полтерович (1998, 2011)), публикации в журнале «Вопросы экономики», в которых представлены результаты поведенческой экономики в контексте развития экономической науки (Белянин (2003), Коландер (2009), Хэндс (2012), Капелюшников (2013а, б)), дискуссия о рациональности экономических агентов (Харстад, Зельтен (2014), Кроуфорд (2014), Рабин (2014)), ряд статей в журнале «Общественные науки и современность» в рамках организованного обсуждения актуальных проблем теоретической экономики (Либман (2013), Тихонова (2013), Урнов (2013), Тамбовцев (2013), Дерябина (2014), Кирдина (2014), Автономов (2014)), а также более вдумчивое прочтение классических работ М. Вебера (Вебер (1980)), Й. Шумпетера (Шумпетер (2001)), Л. фон Мизеса (Мизес (2005)).

Есть и еще одна причина, повлиявшая на мой интерес к проблемам методологии. Дело в том, что теоретическая экономика, начиная с 30-х гг. XX столетия, развивалась в условиях усиливающегося давления математических методов и моделей, которые, с одной стороны, позволили многое понять¹, с другой — потребовали введения весьма жестких предпосылок, в большинстве случаев не следующих из экономического содержания моделируемых процессов. Разрыв этот накапливался и стал предметом анализа ряда теоретических работ и многочисленных эмпирических исследований, продемонстрировавших, что экономической науке стало тесно в рамках неоклассической парадигмы.

В попытках преодолеть это методологическое препятствие родилась теория опекаемых благ, основанная на модификации ряда исходных предпосылок неоклассики. Саму теорию опекаемых благ я пытался (насколько это возможно без снижения необходимого уровня обобщений) максимально приблизить к реальной действительности, предложив описание экономических отношений в социуме, как они есть. При этом в слова «как они есть» я вкладываю тот же смысл, что и испанский представитель новой венской школы Уэрта де Сото: «С точки зрения австрийцев, прикладные выводы экономистов-неоклассиков сомнительны не потому, что они упрощают реальность, а потому, что их допущения не имеют ничего общего с реальностью» (*де Сото (2011. С. 55)*).

Такой, плохо согласуемой с реальностью, предпосылкой является метод *политического индивидуализма* (*Шумпетер (2001. С. 1171)*), подход с позиций *laissez-faire*, радикальная форма которого — «либертарианство», признает лишь «негативные свободы» или «свободы от» (*Берлин (2001. С. 47–51)*). Преодоление либертарианства и отказ от этого, сужающего социальный анализ, принципа в пользу рассмотрения «позитивных свобод» или «свобод для» (*Берлин (2001. С. 51–52)*)², допускающих вмешательство

-
1. Несколько лет назад в беседе с Кеннетом Эрроу я затронул вопрос о математизации экономической науки и некоторой утрате в математических моделях реального экономического содержания. На что Эрроу заметил: «экономика настолько сложна, что без математики, упрощающей реальный мир, ее понять невозможно» (*Гринберг, Рубинштейн (2010. С. 9–10)*).
 2. Приведу здесь небольшой комментарий из истории нашей страны и ее культуры. Встречи и беседы выдающегося английского философа Исайи Берлина с Анной Ахматовой в 1945 г. в Ленинграде послужили, как известно, еще одной причиной гонений властей на великую русскую поэтессу.

государства (далеко не всегда действующего во благо индивидуумов), приводят, как правило, к различным теоретическим конструктам социального либерализма³.

К таким же далеким от реальности допущениям я отношу *принцип рационального поведения* индивидуумов⁴. Отказ от этой базовой предпосылки в пользу австрийского методологического субъективизма приводит к необходимости рассмотрения имеющих место попыток государства «подправить» субъективные предпочтения индивидуумов (причем и в данном случае не только из благих намерений), приблизить их к тому, что оно считает полезным или правильным. Собственно, такова общая природа патернализма, в основе которого лежат ценностные установки «патера». И это не плохо и не хорошо. Так оно есть в реальной действительности и находит отражение в других теоретических конструкциях, хотя и не придерживающихся методологического субъективизма, но допускающих иррациональное поведение индивидуумов.

Сомнения в реалистичности вызывает у меня и распространенный по-прежнему *принцип социологического индивидуализма* в понимании автора этого термина Йозефа Шумпетера, в соответствии с которым все социальные феномены сводятся к решениям и действиям индивидов. Причем сам Шумпетер считал неприемлемым его использование в исследовании социальных процессов (*Шумпетер (2001. С. 1172)*)⁵. Отказ от этого принципа в пользу возможности объяснения социальных феноменов не только через действия индивидов, но и с привлечением надындивидуальных

-
3. В подтверждение этого приведу фрагмент из статьи Марка Урнова: «Что касается либертарианства, равно как и тоталитарных версий коллективизма, то на сегодняшний день они, конечно, существуют, однако в области политики представляют собой не более, чем периферическое обрамление социально-либерального континуума. Единственная область, в которой либертарианство до сих пор чувствует себя более или менее вольготно, — экономическая теория. По-видимому, это связано с устойчивым нежеланием экономистов-неолибералов выйти за пределы конструкций, хороших во всех отношениях, кроме одного — несоответствия реальности (*Урнов (2013. С. 40)*).
 4. Здесь следует обратить внимание на признание Дж. Стиглица, отметившего, что к недостаткам «неоклассической экономической теории относятся не только ее неспособность учитывать общие следствия из экономической организации и природы общества и человека, но и то, что она ограничивает свой интерес к человеку чересчур узким подмножеством, а именно эгоистичным и рациональным поведением» (*Stiglitz (1996, P. 273)*).
 5. Замечу, что под данную дефиницию Шумпетера современные исследователи часто подводят и принцип методологического индивидуализма, ошибочно отождествляя последний с социологическим. Об этой методологической путанице см. также: (*Hodgson (2007. P. 213), Автономов (2014. С. 54)*).

факторов и/или субъектов, отражает реальный механизм формирования патерналистских установок государства.

Понятно, что патернализм и социальный либерализм чревататы укреплением государства, которое, как правило, дрейфует в сторону «Левиафана». И в этом смысле еще одной посылкой, принимаемой часто по умолчанию, но также расходящейся с реальностью, является парадигма *«благотворящего государства»*. Отказ от нее и положение теории опекаемых благ о том, что *интерес общества как такового существует только в форме нормативных установок «коллективных решений» узкой группы индивидуумов*, более соответствуют реальности, в которой действия государства могут приводить к потерям благосостояния отдельных индивидуумов и всей их совокупности⁶. Это позволяет ставить вопрос о необходимости введения соответствующих ограничений для институтов государства в пользу институтов гражданского общества. Речь идет о принципе политической конкуренции, не допускающем диктатуры парламентского большинства и составляющем одну из особенностей теории опекаемых благ.

Без претензий на исчерпывающий анализ в данной работе будут рассмотрены некоторые модификации указанных предпосылок и их различные комбинации, составляющие методологическую основу ряда теорий, обосновывающих государственную активность, направленную на реализацию ценностных установок общества. Речь пойдет о соответствующих сопоставлениях экономической теории благосостояния, теориях общественных товаров и мериторных благ, концепции мягкого или либертарианского патернализма с теорией опекаемых благ.

6. В данном контекста не вполне уместным, как мне кажется, выглядит комментарий А. Заостровцева об однозначно позитивном характере нормативного интереса в КЭС и теории опекаемых благ (Заостровцев (2015. С. 65)). Напротив, думается, здесь теория опекаемых благ близка к австрийской школе, в которой, как пишет Заостровцев, «общественный интерес выступает в облики «детерминированного доминирующими идеями общественного мнения», и, главное, в результате утрачивает нормативно-позитивный вектор: он может быть направлен как на достижение прогресса, так и на деградацию общественного организма» (Заостровцев (2015. С. 65)). При этом не могу не отметить далеко не всегда существующее совпадение между нормативными установками «коллективных решений» (парламента) и доминирующим общественным мнением. Здесь теория опекаемых благ расходится с австрийской школой.

ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ, СУБЪЕКТИВИЗМ И ПАТЕРНАЛИЗМ

Начну с фундаментальной предпосылки теории благосостояния — принципа рационального поведения, объединившего в себе австрийский методологический субъективизм, в соответствии с которым индивидуальные предпочтения принимаются как данность, с неоклассическим допущением, что каждый индивидум выбирает лучший вариант, оптимизирующий его благосостояние. Все остальное делает невидимая рука, обеспечивающая благосостояние общества, которое дефинитивно представляется как агрегат благосостояний индивидов.

Если же возникают потери общественного благосостояния, то они объясняются провалами рынка и служат обоснованием государственных интервенций, направленных на их устранение⁷. Не развивая этот известный сюжет, подчеркну главное — принципиальным допущением указанной теории является строго рациональное поведение индивидумов, максимизирующих свое благосостояние.

«Наше незнание безгранично и отрезвляюще» (*Эволюционная...* (2000. С. 299)). Слова Карла Поппера звучат «отрезвляюще» по отношению к большинству моделей человеческого поведения в экономике, к тем исходным допущениям, на которые они опираются, и в том числе к постулату рациональности. Регулярная

7. В дополнение к концепции провалов рынка экономисты все чаще обращаются к исследованию провалов государства, где анализируется влияние сложившихся правовых норм, общественных институтов и текущих политических приоритетов на государственную активность, которая приводит, зачастую, к худшим результатам, нежели они были до вмешательства в рыночный процесс (*Tullock, Seldon, Brady (2002), Winston (2006), Радугин, Энтов (2012), Асемоглу, Робинсон (2013)*).

критика этой «упрощающей абстракции», начавшаяся, скорее всего, с Торстейна Веблена, сопровождает данный онтологический принцип всю последующую историю.

Первая значимая ревизия принципа рационального поведения связана, наверное, с работами Джорджа Катона (*Katona (1951)*) и Герберта Саймона (*Simon (1955)*). Последний подверг сомнению способность людей правильно оценивать свой выбор (*Simon (1955)*, *Саймон (1993)*). Он же ввел в научный оборот утвердившуюся в литературе категорию «ограниченная рациональность» (*Simon (1955, 1957)*)⁸. При этом ясной границы между понятиями «ограниченная рациональность» и «иррациональность», думается нет и, наверное, не может быть.

После работ Г. Саймона стало все чаще проявляться скептическое отношение к постулату рациональности, к обусловленности поведения индивидуумов их стремлением максимизировать свое благосостояние. Определенное ослабление этой исходной предпосылки нашло отражение в теориях общественных товаров и мериторных благ, где фактически было снято «табу» с иррационального поведения индивидуумов.

И если в теории общественных товаров «неправильные» решения признавалась лишь косвенным образом — объясняя «фрирайдерство» Пол Самуэльсон ввел в научный оборот «ложный сигнал» индивидуумов об отсутствии спроса на общественное благо (*Samuelson (1954)*, *Самуэльсон (2004)*), то в мериторике Ричарда Масгрейва были описаны стандартные случаи иррационального поведения, встречающиеся в реальной действительности (*Musgrave (1959)*, *Musgrave et. al. (1994)*, *Масгрейв, Масгрейв (2009)*).

При этом, в соответствии со специфическими свойствами общественных товаров, индивидуумы сознательно (по Самуэльсону) скрывают свои предпочтения. В мериторной же среде, искаженный сигнал о спросе возникает из-за неосознанной иррациональности поведения. Речь идет о «патологическом случае», «слабоволии

8. Я склонен согласиться с мнением Джованни Дози: «Выражение «ограниченная рациональность» мне не нравится, в нем содержится намек на некую «олимпийскую рациональность», с высот которой мы можем судить, насколько «ограничено» то, что ограничено. Однако в меняющейся сложной среде часто оказывается, что такую совершенную рациональность нельзя определить в принципе» (*Dosi et al (2005)*, *Дози (2012. С. 40)*).

Одиссея», «иррациональности неимущих» и «общих потребностях» — систематически возникающих ситуациях, когда индивидуумы не способны действовать себе во благо. Прогрессирующий скепсис в отношении оптимизирующего поведения людей, как бы ни были определены их интересы, собственно и породил мериторику с ее легитимным вмешательством в потребительские предпочтения и патерналистской политикой (*Musgrave (1959. P. 13), D'Amico (2009)*), основанной на «дуализме человеческого поведения»⁹.

Другими словами, и в теории общественных товаров и в мериторике, допускающих иррациональное поведение индивидуумов, приходится отказываться сразу от обеих составляющих категории рациональности: оптимизирующего поведения и австрийского субъективизма. Дело в том, что, признавая сам факт иррационального поведения индивидуумов, мы *вынуждены иметь в виду и такие их действия, которые можно было бы назвать рациональными*¹⁰. На этом пути неизбежно возникает предположение о наличии двух «стандартов оценки, которые при определенных обстоятельствах могут исключать друг друга так, что совсем другие, даже противоположные действия, оцениваются как оптимальные» (*Tietzel, Muller (1998. S. 116)*). При этом выявляемый рыночным механизмом спрос оказывается часто ложным (*Самуэльсон (2004. С. 375)*), а истинные предпочтения, соответствующие некому «нормативному стандарту», имеют только «рефлексивный характер» (*Brennan, Lomasky (1983. P. 183–206)*).

Ничего не добавляет и модель Р. Талера, Х. Шефрина, постулирующая «раздвоение личности» человека — одновременное исполнение им ролей безвольной жертвы искусителя (я-исполнитель) и ее рационального антипода и «гордости создателя» (я-программатор).

-
9. Еще Альфред Маршалл подчеркивал в «Принципах политической экономии», что эгоизм не является единственным «побудительным мотивом к деятельности человека» (*Маршалл (1983. С. 77–79)*). Одним из первых, кто расширил понятие рациональности, включив в него альтруизм, был Ховард Марголис, предложивший «модель справедливого распределения» («*fait-share*» модель или FS-модель), основанную на принципе дуализма личности, наличии у человека двух «я»: «я» — эгоист и «я» — альтруист (*Margolis (1982. P. 14)*). Подробнее об этом см.: (*Рубинштейн (2012. С. 21, 23)*).
10. В каком-то смысле это близко тому, на что обратил внимание Дози, прокомментировавший «ограниченную рациональность» с позиций совершенной рациональности, представляющей своего рода нормативный стандарт (*Дози (2012. С. 40)*).

Если «исполнитель» ориентируется на эгоистические и близорукие действия, то «программатор» стремится к реализации долгосрочных и просвещенных интересов (*Thaler, Shefrin (1981. P. 392–406)*)¹¹. Характеризуя такую ситуацию, Томас Шеллинг отмечал: «Люди действуют, как будто два разных «я», и по очереди правят балом» (*Schelling (1984)*). Понятно, что в подобных обстоятельствах возникает проблема самоуправления, ибо в конкретной ситуации человек может действовать иначе, нежели это соответствует более глубокой оценке последствий принятых решений (*Koboldt (1995. S. 13)*). Подчеркну главное – сам факт детабуирования иррационального поведения означает пренебрежение принципом методологического субъективизма, переход к множественности «я» и использование патерналистской политики государства, направленной на поддержку того «я», которое обеспечивает приближение к нормативному стандарту.

Естественно, что теория благосостояния, опирающаяся на принцип методологического субъективизма и суверенитет потребителя, является традиционным противником патернализма. Однако, ничто не стоит на месте, и в последние 30–40 лет появились исследования в области поведенческой и экспериментальной экономики, выявившие, хотя и в лабораторных условиях, систематически повторяющиеся случаи иррационального поведения индивидуумов. На этом фоне все большее признание получает тезис о необходимости пересмотра предпосылки рациональности (*Коландер (2009), Хэндс (2012), Ананьин (2013. С. 23), Ольсевич (2013. С. 11–17)*)¹².

И если теории общественных товаров и мериторных благ рассматривали ограниченную рациональность и иррациональность как теоретические абстракции, то психологи и поведенче-

11. Эта работа, опубликованная первоначально в «рабочих тетрадах» (*Shefrin, Thaler (1978)*), восходит к более раннему исследованию в области экспериментальной психологии, где Ричард Шиффрин и Уолтер Шнейдер, рассматривая гипотезу о наличии у человека двух когнитивных систем, обнаружили «борьбу разума с интуицией» – прообраз будущих моделей с множественностью «я» (*Schneider, Shiffrin (1977a, b)*).

12. Здесь «прячется» методологическая развилка. Либо надо расширять само понятие рациональности, включая альтруизм и другие мотивы поведения человека, в том числе надличностные и внутриличностные факторы, не способствующие росту его благосостояния в стандартном понимании этого термина, либо, сохраняя в соответствии с австрийской школой субъективную рациональность индивидуумов, следует пересматривать другие базовые постулаты.

ские экономисты, проведя множество экспериментов, получили эмпирические подтверждения иррационального поведения людей. В результате, к началу XXI столетия накопилась представительная коллекция «аномалий», демонстрирующих примеры реального поведения индивидуумов, отличающегося от предсказаний стандартной теории (*Kahneman, Tversky (2000), Thaler (2000), Канеман, Тверски (2003), Павлов (2007, 2011), Капелюшников (2013a, b)*). Предлагаемые обстоятельства и данный вызов требовали адекватного ответа.

При этом одной критики мериторики и ее «методологических слабостей» (*Schmidt (1988), Tietzel, Müller (1998, 2002)*) без позитивной программы уже недостаточно. Эмпирические факты, не вписывающиеся в границы стандартной теории благосостояния, нуждаются в объясняющей интерпретации. Следует подчеркнуть также, что на этом поприще поведенческие экономисты лишь продолжили мериторную аргументацию, основанную на идее множественности «я», усилили ее и превратили в свой главный методологический прием (*Thaler, Shefrin (1981), Sunstein, Thaler (2003)*)¹³. Иначе говоря, они также пошли по пути отказа от принципа «методологического субъективизма», сохранив и развивая тем самым мериторный тренд в попытках разрешить противоречие между теоретической предпосылкой рациональности и реалиями иррационального поведения индивидуумов.

Мне бы не хотелось преувеличивать степень перемен в методологии экономической науки. Некоторые экономисты по-прежнему с очень большой настороженностью относятся к пересмотру предпосылки рационального поведения индивидуумов: «Если можно признать иррациональность человеческой природы, тогда можно признать и все, что угодно»¹⁴. Наверное, не в столь категоричной форме, но

-
13. Все это напоминает «вуаль неведения» Джона Ролза, которая в свое время стала главным методологическим приемом для конституционной экономики Дж. Бьюкенена. И в одном, и в другом случае мы встречаемся по сути с примерами «непреодолимого дуализма экономической науки» (*Автономов (2013. С. 6)*) или, как цитирует В. Автономов, с дилеммой «строгости и реалистичности» (*Mayer (1993)*).
14. В специальном докладе «Новый патернализм. Добродушное государство», опубликованном в журнале «Экономист» в апреле 2006 г., был представлен весьма подробный обзор различных взглядов на поведенческую экономику и «принесение в жертву» принципа рациональности (www.economist.com/node/6768159).

и мне кажется, что критика принципа рациональности со стороны мериторики и поведенческой экономики свидетельствует лишь о некоторых исключениях в моделях рационального выбора, которые еще нуждаются в теоретических обобщениях.

Главным же здесь остается другой вопрос: нужно ли в объяснении иррационального поведения индивидуумов отказываться от обеих составляющих неоклассической категории рациональности? Мне кажется, что такой необходимости нет. Оставаясь в границах австрийского методологического субъективизма с его требованием принимать индивидуальные предпочтения как данность, можно искать решение в иной трактовке поведения индивидуумов. Дело в том, что в соответствии с методологическим субъективизмом каждый человек в отдельности, в меру своего понимания, опираясь на собственные ценности и вкусы, ведет себя субъективно наилучшим образом. И если такое поведение оценивается как иррациональное или ограниченно рациональное, то это означает лишь, что подобная оценка получена из *внешнего источника*, с позиций которого люди выбирали не самый лучший вариант в силу ряда обстоятельств, в том числе из-за мериторных дефицитов знаний, воли и ресурсов¹⁵.

При этом и мериторики, и поведенческая экономика, и выросший из нее либертарианский патернализм (*Sunstein, Thaler (2003, 2008), Camerer et al. (2003)*) исходят из того, что действия

-
15. Отвлекусь здесь на небольшой комментарий и замечу, что несмотря на австрийский вердикт де-юре: «В приложении к конечным целям деятельности понятия «рациональный» и иррациональный» неуместны и бессмысленны» (*Мизес (2005. С. 22)*), де-факто Людвиг фон Мизес подтверждает мериторные аргументы иррационального поведения. «Разумеется, всегда будут существовать индивиды или группы индивидов, интеллект которых настолько ограничен, что они неспособны осознать выгоды, которые предоставляет им общественное сотрудничество. Моральные устои и сила воли других настолько слабы, что они не могут сопротивляться искушению добиться эфемерных преимуществ посредством действий, наносящих вред ровному функционированию общественной системы. Ибо приспособление индивида к требованиям общественного сотрудничества требует жертв. Конечно, эти жертвы временны и мнимы, так как с лихвой компенсируются несравненно большей выгодой, которую обеспечивает жизнь в обществе. Однако в данное мгновение, в течение самого акта отказа от ожидаемого наслаждения, они являются болезненными, и не каждый может осознать их будущую выгодность и вести себя соответственно» (*Мизес (2005. С. 140)*). И тот же Мизес страницей раньше пишет «Утилитарист ... не требует от человека отказа от собственного благополучия ради общества. Он рекомендует ему осознать, в чем состоят его правильно понимаемые интересы» (*Мизес (2005. С. 139)*). Но как же все-таки быть с теми, кто не может осознать правильно понимаемые интересы и будущую их выгодность? Не должно ли в этом случае общество создавать условия, чтобы люди могли «вести себя соответственно» в понимании той же мериторики или либертарианского патернализма?

государства, направленные на изменение сложившихся обстоятельств, способны улучшить, с точки зрения общества, качество поведения людей, осознать их «правильно понимаемые интересы» и приблизить их предпочтения к некому нормативному стандарту. Не обсуждая пока тему нормативного стандарта, замечу, что в результате патерналистских действий, *подталкивающих* индивидуумов к «правильным» решениям, субъективно рациональное поведение индивидуумов обретает черты рационального выбора с точки зрения самого «патера» (государства), а выявленный рыночный спрос начинает соответствовать нормативному стандарту.

Главное же достоинство такой конструкции, по мнению лидеров данного направления, заключается в том, что политика подталкивания («*nudge*») устраняет противоречие между патернализмом и свободой выбора (*Sunstein, Thaler (2003.0 P. 1188)*). Не вполне соглашаясь с этим однозначным утверждением¹⁶, замечу, что само подталкивание – инструментарий, перешедший из мериторики, представляет собой создание условий, при которых индивидуум, выбирая субъективно лучший для себя вариант, реализует нормативный стандарт или, по крайней мере, приближается к нему¹⁷.

Вообще говоря, все это очень напоминает методологию Джона Нэша, в соответствии с которой индивидуумы в предлагаемых обстоятельствах всегда действуют субъективно рационально. Однако из-за «несовершенных» правил игры (институциональной среды или сложившихся обстоятельств) их действия могут приводить к потерям индивидуального благосостояния (*Майерсон (2010. С. 29)*), т. е. к эмпирически наблюдаемой иррациональности (равновесие Нэша). При этом изменение правил игры, в соответствии с тем же патерналистским пониманием «как должно быть», может подтолкнуть индивидуумов к выбору такой доминирующей стратегии, в которой их предпочтения будут соответствовать нормативному стандарту, обеспечивая эффективное по Парето равновесие.

-
16. В стандартном примере поведенческих экономистов у потребителя есть выбор между комплексным обедом и заказом по меню. При этом умалчивается, на основе чего формируется комплексный обед (нормативный стандарт), к которому подталкивается потребитель. Пусть в мягкой форме, но и здесь индивидууму навязываются определенные предпочтения.
17. См. также: подробное аналитическое исследование «Поведенческая экономика и «новый» патернализм» (*Капелюшников (2013a, b)*).

Другими словами, методология Нэша дает возможность при тех же обоснованиях патерналистской активности сохранить базовую предпосылку субъективной рациональности индивидуумов, замечая двоемыслие и множественность «я», присущие мериторике и поведенческой экономике, положением о неэффективной институциональной среде. При использовании методологии Нэша все виды патернализма легко вписываются в инструменты модернизации институциональной среды. Вместе с тем и здесь остается вопрос определения нормативного стандарта – генерирования знания «как должно быть», которое, собственно, и определяет характер и конкретные направления институциональной модернизации, подталкивающей индивидуумов к выбору «правильной» стратегии.

Остановлюсь теперь на предпосылках теории опекаемых благ, которая продолжает мериторную линию, впитавшую в себя, как отмечает Ричард Штурн, «традиции немецкой финансовой науки и общественных финансов по Пигу» (*Sturm (2010)*). Повторю в связи с этим главную дефиницию мериторики: мериторными называются блага, спрос на которые со стороны частных лиц отстает от желаемого обществом и стимулируется государством¹⁸. Таким образом, само понятие мериторики непосредственно связано с нормативным общественным интересом. Здесь, собственно, и проявляются родственные связи теории опекаемых благ с мериторикой.

Правда, на этом сходство заканчивается. Сохраняя в основании теории опекаемых благ (в отличие от мериторики) австрийский принцип методологического субъективизма и рассматривая поведение людей как данность, я исхожу из того, что они действуют субъективно рационально, в том числе и во всех ситуациях, описанных Р. Масгрейвом, а позже и поведенческими экономистами. При этом для объяснения их поведения не обязательно прибегать к гипотезе двоемыслия. Отличие теории опекаемых благ от мери-

18. Мериторика, как известно, рассматривает и демериторные блага (к примеру, наркотики или алкоголь), частный спрос на которые превосходит желаемый обществом и ограничивается государством. Замечу здесь, что интересы государства, как уже отмечалось, далеко не всегда направлены в сторону общественного благополучия. Примеров тому в истории слишком много. Подчеркну другое. В этом вопросе КЭС и теория опекаемых благ (*Гринберг, Рубинштейн (2013. С. 400–409), Рубинштейн (2013. С. 45–46)*)) стоят на близких позициях с австрийской школой – «Зло, причиняемое плохой идеологией, разумеется, гораздо губительнее как для индивида, так и для общества в целом, чем наркотики» (*Мизес (2005. С. 687)*).

торики заключается не в отрицании феномена двойственности предпочтений, а в ином понимании его природы. В моем представлении подобная двойственность обусловлена существованием двух источников оценки, имеющих свои предпочтения, но никак не предполагает двоемыслия одного и того же индивидуума. Ситуация, описанная в мериторике и повторенная в поведенческой экономике, когда о второй своей мысли сами индивидуумы часто не знают, но ведают о ней третьи лица, которые ради их счастья стимулируют именно эту мысль, страдает принципиальным пороком. Как гласит один из принципов римского частного права, желание не может быть признано несправедливым – «*volenti non fit iniuria*».

Поэтому имеющая место мериторная амбивалентность предпочтений индивидуумов неизбежно ведет к наличию внешнего источника их оценки: кроме множественности «я» появляется судья со своим нормативным стандартом, который и решает, кто из «я» прав. Собственно, исходя из этого, в теории опекаемых благ и была предложена иная трактовка феномена двойственности предпочтений, основанная на принципе методологического субъективизма. Речь идет об исходном допущении существования внешнего источника оценки, автономного носителя предпочтений, которые можно трактовать в качестве нормативного стандарта.

Иначе говоря, в основании теории опекаемых благ лежит принцип методологического субъективизма, в соответствии с которым поведение индивидуума следует трактовать «с субъективной точки зрения как то, к чему стремится действующий человек, потому что в его глазах это желательно» (Мизес (2005. С. 24)). Одновременно с этим принципом теория опекаемых благ использует еще одну исходную предпосылку, но уже отличающуюся от постулатов праксиологии Мизеса. Речь идет о существовании группового интереса, несводимого к интересам членов группы, который определяет внешний по отношению к индивидуумам источник предпочтений и характеризует общую природу патернализма.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЛЯТИВИЗМ

Мне часто приходилось слышать упрек в том, что существование общественного интереса, не сводимого к индивидуальным предпочтениям, в концепции экономической социодинамики (КЭС) и теории опекаемых благ постулируется. Это верно, но только отчасти. Речь идет о замене одного из постулатов стандартной теории — методологического индивидуализма в самой ограниченной его форме — более общей исходной предпосылкой.

В этом смысле методологический индивидуализм и замещающий его принцип методологического релятивизма имеют одинаковую аксиоматическую природу. И хотя мой коллега и партнер по дискуссии «по переписке» А. Либман обращает внимание на неравнозначность этих постулатов, полагая, что «проще допустить, что все сводится к действиям хорошо наблюдаемых и известных нам индивидов, чем строить более сложную теорию», согласиться с ним не могу.

Конечно, «проще предположить, что все сводится к действиям хорошо наблюдаемых и известных нам индивидов», но дело в том, что это не позволяет объяснить целый класс явлений. В согласии с данной предпосылкой, в частности, невозможно определить нормативный стандарт в теориях общественных и мериторных благ, в концепции мягкого патернализма. Кроме того, было бы явно ошибочным думать, что существование общественного интереса, не сводимого к индивидуальным предпочтениям, можно сочетать с радикальной парадигмой индивидуализма.

Надо сказать, что общественные интересы в целом, как и проблема их взаимосвязи с индивидуальными предпочтениями, — это вечные сюжеты, кочующие по странам и эпохам. К концу

XIX столетия обозначились два тренда в интерпретации общественного интереса. Так, германская традиция, постулируя интерес общества как такового (холизм), признала категорию «коллективные потребности» в качестве фундаментальной основы знаменитой «немецкой финансовой науки». Английская же традиция отрицала саму возможность существования интересов, отличных от агрегата предпочтений индивидуумов (индивидуализм).

Став в XX в. антитезой парадигме холизма, методологический индивидуализм занял прочное место в основном русле экономической теории. Однако такое положение вызывает у меня чувство неудовлетворенности. С позиций же современной науки об обществе, с ее принципиальной предпосылкой о «фоновом пространстве значений» и институциональным содержанием социума, большинство аргументов в пользу узко понимаемого методологического индивидуализма кажутся недостаточно убедительными.

При подключении же теории игр к обсуждению данного вопроса стал очевиден и другой вывод: в результате автономных и своекорыстных решений индивидуумов их совокупность в целом может перейти в положение, которое противоречит целям каждого из них. Иначе говоря, полученный результат не всегда редуцируется к функциям полезности индивидуумов, что свидетельствует также о наличии у социальной целостности системных свойств, не имеющих у индивидов.

Замечу, что двухлетняя дискуссия о методологии социального либерализма на страницах журнала «Общественные науки и современность» также развернулась в основном по вопросу методологического индивидуализма. Не повторяя своего прежнего анализа, где были рассмотрены в основном идеи структурализма в исследованиях социологов и философов второй половины XX-го столетия (*Рубинштейн (2012. С. 16–20)*), соглашусь с общим утверждением В. Автономова — «представляется, что существенная часть дискуссии вытекает из смешивания различных значений этого понятия» (*Автономов (2014. С. 54)*)¹⁹.

19. Добавлю к этому замечание Джеффри Ходжсона: «Пропаганда «методологического индивидуализма» широко распространена, особенно среди экономистов. Тем не менее, этот термин редко определяется с достаточной точностью. ... Несмотря на его частое появление, нет консенсуса по его смыслу и использованию. Поэтому нет никаких оснований для заклинания из этих двух слов

Наделение различными смыслами данного методологического принципа и, наверное, прав Ходжсон, отсутствие достаточно строгих дефиниций, породили целое семейство «методологических измов», в которых так или иначе используется указанное понятие, включая «институциональный индивидуализм» (*Agassi (1960), Toboso (2001)*), «прагматический методологический индивидуализм» (*Coleman (1991)*), «методологический структурализм» (*Hodgson (2007)*), «методологический институционализм» (*Hodgson (2007), Кирдина (2013а)*)²⁰. По-видимому, список этот, как показывает анализ соответствующей литературы, далеко не исчерпывающий.

Примерно на ту же ситуацию обращает внимание Ларс Уден, отмечая наличие разных по содержанию версий методологического индивидуализма, а также тот факт, что некоторые из них сочетают в себе и элементы методологического холизма. Однако, по его мнению, «главный водораздел проходит между сильными версиями методологического индивидуализма, которые предполагают, что все социальные явления должны быть объяснены только в терминах индивидов и их взаимодействия, и слабыми версиями методологического индивидуализма, которые в объяснениях социальных феноменов отводят важную роль институтам и/или социальной структуре» (*Udehn (2002. P. 479)*).

Не претендуя на строгую классификацию различных версий методологического индивидуализма, выделю несколько признаков, по которым можно различать их содержание и объяснить введение указанных выше вариативных категорий.

без ссылки на адекватное определение (*Hodgson (2007. P. 211)*). И далее «... методологический индивидуализм не имеет ни одного общепринятого определения. Кроме того, обычно используется в способах, которые отличаются от значения, придаваемое ему Шумпетером, который придумал этот термин» (*Hodgson (2007. P. 222)*).

20. Отмеченная Ходжсоном тенденция вкладывать разный смысл в одно и то же понятие проявилась и при появлении категории «методологический институционализм». Указывая, что данный термин является авторской «категориальной новацией». С. Кирдина так характеризует этот принцип: «В настоящее время «методологический институционализм» представляется нам достаточно адекватной оппозицией принципу методологического индивидуализма и по смыслу, и по названию» (*Кирдина (2013а. С. 37)*). При этом Ходжсон, использовавший это же понятие, никак не имел в виду оппозицию методологическому индивидуализму. Скорее наоборот, рассматривая не только автономную деятельность индивидов, но и взаимодействия между ними, он отождествлял «методологический институционализм», «методологический структурализм» с «методологическим индивидуализмом» (*Hodgson (2007. P. 219–220)*).

Во-первых, речь идет о веберовской «элементарной частице» и его «понимающей социологии», которая рассматривает отдельного индивидуума и его действия как первичную единицу: «Действие в смысле субъективно понятной ориентации поведения существует только как поведение одного или нескольких отдельных человеческих существ» (*Weber (1968. §9. P. 13)*). Вместе с тем, если остановиться только на этом признаке, то мы получим совокупность самых узких интерпретаций методологического индивидуализма, которой и сам Вебер, и многие его последователи не ограничивались.

В качестве второго признака, раздвигающего границы «сильной версии» методологического индивидуализма (по Удену), может служить включение в анализ институтов. «Этот подход позволяет исследователю дать не холистические и не редукционистские объяснения, в которых формальные и неформальные организационные аспекты, связанные с человеческими взаимодействиями, могут быть использованы в качестве объясняющих переменных» (*Toboso (2001. P. 766)*).

Здесь имеет смысл обратить внимание на следующий фрагмент статьи известного немецкого социолога, посвященной 140-летию со дня рождения М. Вебера и его исследовательской программе: «Это не значит, конечно, что объект объяснения социологии, экспланандум, является исключительно индивидуальным действием. Напротив, объект объяснения — это, как правило, макрофеномен, «системное видение», как говорит, например, Джеймс Коулман (*Coleman 1991. P. 2 и след.*)). Поэтому методологический индивидуализм означает прежде всего необходимость проведения анализа макросоциальных структур и процессов с точки зрения их обоснования на микроуровне» (*Шлюхтер (2004. С. 38)*).

Итак, анализ макросоциальных структур и процессов также должен входить в «орбиту» методологического индивидуализма. Собственно, рассмотрение социальных структур и является тем третьим признаком, который обуславливает отличие разных версий данного методологического принципа. При этом редукция, на которую опираются ряд сторонников его узкой версии, и обоснование макросоциальных структур на микроуровне оказываются, как известно, не всегда возможными. По мнению же Мизеса: «Методологический индивидуализм вовсе не оспаривает значимость коллективных целостностей, считая одной из основных своих задач

описание и анализ их становления и исчезновения, изменяющейся структуры и функционирования» (*Мизес (2005. С. 43)*)²¹.

Есть и четвертый признак, в соответствии с которым в анализ включаются внутрииндивидуальные, межиндивидуальные и надындивидуальные факторы, формирующие поведение отдельных индивидуумов (*Автономов (2014. С. 54)*). В их числе факторы, отражающие интересы коллективных целостностей, которые в определенном смысле корреспондируют с холистическим подходом²². Как и в первых трех случаях далеко не все исследователи готовы рассматривать четвертый признак, несущий в себе определенные элементы холизма; «проблема здесь, очевидно, заключается в том, можно ли считать, что общество всегда больше суммы своих членов, или же его поведение может быть без остатка сведено к поведению последних» (*Автономов (2014. С. 54)*)²³.

По-видимому, существуют и другие основания, по которым можно попытаться разделить множество не очень строгих суждений о методологическом индивидуализме. Их авторы в каждом конкретном случае адаптировали данный методологический принцип к задачам соответствующих теоретических конструкций. В этом смысле маржинализм и общая теория равновесия демонстрируют яркий пример его приспособления к «собственным нуждам», с которым, однако, не вполне соглашаются институциональная теория, мериторика и поведенческая экономика, включая либертарианский патернализм, изучающие поведение индивидуумов в более широком социальном контексте.

-
21. Цитирую здесь В. Автономова: «В современной экономической теории под индивидуом понимается любой носитель целевой функции. Им может быть как отдельный человек, так и группа людей и даже отдельная субличность...» (*Автономов (2014. С. 55)*).
 22. Согласно Эмилю Дюркгейму, «общество – не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой реальность *sui generis*, наделенную своими особыми свойствами» (*Дюркгейм (1995. С. 119)*).
 23. При этом в своей крайней форме, как известно, холизм предполагает подчинение интересов отдельных индивидуумов интересам общества как такового. Однако, такое подчинение не является обязательным требованием рассматриваемого, четвертого, подхода к объяснению поведения отдельных индивидуумов. Поэтому не могу согласиться с замечанием В. Автономова, что выражающему интересам общества «политически агрегированному индивиду ... видимо, должен быть придан больший удельный вес» (*Автономов (2014. С. 55)*). Важным отличием КЭС и теории опекаемых благ от строгого холизма, подчеркну это особо, является то, что дополнение индивидуальных интересов общественными не предусматривает никакой их иерархии (*Гринберг, Рубинштейн (2013. С. 425), Рубинштейн (2014. С. 497–500)*).

Соглашусь и еще с одним утверждением В. Автономова: «Прилагательное «методологический» не может удержать от размышлений о соотношении общественных и личных интересов, которые имеют долгую историю со времен пресловутого «Левиафана» Т. Гоббса. ... Поэтому для начала хотелось бы вернуться к его первоисточнику – работам Й. Шумпетера» (*Автономов (2014. С. 53)*). Наверное, для того, чтобы разобраться в довольно широком массиве родственных, но часто отличающихся по своему содержанию и направлениям использования категорий, нужно, действительно, понять, что же все-таки имел в виду сам Шумпетер, и в какой мере последующие исследователи вкладывают в этот принцип иное содержание, приспособлявая его к своим нуждам.

Опровергая обвинения марксистов²⁴ и других критиков теории предельной полезности и рассматривая среди аргументов источники их непонимания, Шумпетер, как известно, ввел в целях идентификации три понятийных категории – политический, социологический и методологический индивидуализм.

«Под «политическим индивидуализмом» мы подразумеваем подход с позиций *laissez-faire* к экономической политике ... Экономистов, построивших свои теоретические системы на основе допущений о поведении индивидуальных домохозяйств и фирм, подозревали в том, что они *рекомендуют* результаты свободного взаимодействия индивидуальных эгоистических интересов, которые *описывали*» (*Шумпетер (2001. С. 1171)*). В этом контексте подобные рекомендации могут базироваться исключительно на рыночных решениях, в основе которых лежат предпочтения индивидуумов.

И хотя, как отмечает Шумпетер, большинство теоретиков не придерживалось ничем не ограниченного *laissez-faire*, «...при обсуждении практических приложений теории всякий раз шли на поводу у дурной привычки давать волю своим политическим предпочтениям» (*Шумпетер (2001. С. 1171)*). Надо сказать, что «дурные привычки» привнесения политических предпочтений продолжают влиять на взгляды ряда современных теоретиков или теоретизирующих экономистов. Это относится и к двум другим источ-

24. Эти возражения против обвинений теоретиков предельной полезности обозначены Шумпетером в седьмой главе «Анализ равновесия» третьего тома *Истории экономического анализа* (*Шумпетер (2001. С. 1254–1412)*).

никам критики, о которых писал Шумпетер – социологическому и методологическому индивидуализму.

«Под «социологическим индивидуализмом» мы понимаем широко поддерживающуюся в XVII и XVIII вв. точку зрения, согласно которой суверенный индивид представляет собой базовую единицу исследования в общественных науках. Все социальные феномены сводятся к решениям и действиям индивидов, которые не следует далее анализировать с привлечением надындивидуальных факторов». И далее – «в той мере, в какой эта точка зрения представляет собой теорию социального процесса, она, конечно, неприемлема» (Шумпетер (2001. С. 1172)).

Вынужден и здесь, вслед за В. Автономовым, повторить, что в современных дискуссиях «...под методологическим индивидуализмом часто понимается *принципиальное*, обязательное объяснение социальных феноменов через действия индивидов без привлечения каких-либо надындивидуальных факторов или субъектов. Это уже, если пользоваться терминами Шумпетера, не методологический, а «социологический» индивидуализм, – тот самый, который, по его мнению, неприемлем в качестве теории социального процесса» (Автономов (2014. С. 54)). Понятно также, что приверженцы социологического индивидуализма в его исходном смысле однозначно решают «холистический вопрос», повторяя как заклинание, что интересы социальной целостности (общества) могут быть без остатка сведены к интересам его членов.

Теперь непосредственно о «методологическом индивидуализме» в понимании автора этого понятия. Определяя его, Шумпетер обозначает довольно узкую область его применения. Он подчеркивает, что для специальных целей конкретных исследований можно начинать с анализа поведения индивида без обращения к обуславливающим его факторам. Так, «поведение домохозяйки на рынке можно анализировать, не углубляясь в изучение сформировавших его факторов. Попытка такого анализа может быть продиктована соображениями разделения труда между различными общественными науками и необязательно подразумевает некую теорию взаимодействия «индивида» и «общества». В этом случае мы говорим о «методологическом индивидуализме» (Шумпетер (2001. С. 1172)).

Выделю особо ту часть цитаты, где Шумпетер объясняет возможность такого, довольно узкого, подхода соображениями разделения труда между общественными науками. Понятно, что междисциплинарный вектор развития современной науки данное объяснение явно обесценивает и придает «методологическому индивидуализму» окраску ограниченности.

В подтверждение этой ограниченности приведу вывод В. Автономова: «Таким образом, под методологическим индивидуализмом Шумпетер понимал сокращенный формат конкретного экономического (а именно, микроэкономического) исследования, когда можно для краткости и практичности абстрагироваться от факторов, сформировавших поведение индивидов Это метод «чистой экономической теории», которую Шумпетер считает лишь одной из составляющих экономической науки» (*Автономов (2014. С. 53–54)*)²⁵. Не могу здесь не согласиться и с Дж. Ходжсоном, который заметил, что, в отличие от самого Шумпетера, предложившего методологический индивидуализм в качестве ограниченного варианта «чистой экономики», большинство сторонников и противников этого метода рассматривали его уже как якобы универсальный принцип для социальных наук (*Hodgson (2007. P. 214)*).

Итак, возвращение к истокам и непосредственно к Шумпетеру не сделало ситуацию более ясной. Те исследователи, которые проповедовали, как они думали, методологический индивидуализм, а в действительности развивали философию социологического (зачастую и политического) индивидуализма, неприемлемого по Шумпетеру для исследования социального процесса, оказались в плену ограниченных трактовок даже «чистой экономики»²⁶.

Именно этим можно объяснить, по всей видимости, поиски исследователями «своих» базовых предпосылок и появление рассмотренных выше родственных «методологических измов», име-

25. По мнению того же В. Автономова, другой составляющей экономической науки «является, в частности, экономическая социология, в которой методологический индивидуализм невозможен по определению, так как в ней изучаются социальные факторы, определяющие экономическое поведение» (*Автономов (2014. С. 54)*)

26. Сошлюсь вновь на самого Шумпетера: «Верно и то, что неспособность теоретиков пойти дальше этого («социологического индивидуализма» – А.Р.) дала о себе знать и продолжает это делать – в их трактовке ряда проблем, являющихся тем не менее «чисто экономическими» (*Шумпетер (2001. С. 1173)*).

ющих зачастую близкие названия, но разные смыслы. В целом же соглашусь с вердиктом В. Автономова — «ни методологический индивидуализм в узком смысле, ни методологический холизм не могут быть эксклюзивными основополагающими принципами социального исследования» (Автономов (2014. С. 56)).

Исходя из такого же понимания, в теории опекаемых благ использован принцип *методологического релятивизма* (Леуцак (2002. С. 38—42)), представляющий собой попытку определенного синтеза индивидуализма и холизма. В рамках данной теории и КЭС он конкретизирован как принцип комплементарности полезностей, в соответствии с которым допускается наличие интереса общества как такового наряду с индивидуальными интересами его членов.

И если индивидуальные предпочтения, вливаясь в рыночный поток, усредняются на всем множестве индивидуумов, то предпочтения общества, существующие наряду с ними, в процессе такой редукции не участвуют и определяются посредством механизмов политической системы. Таким образом, речь идет о двух параллельных процессах, о рыночной и политической ветвях формирования общественного интереса (Рубинштейн (2014. С. 490—492)). К этому добавлю, что *интерес общества как такового, генерируемый политическими институтами, существует лишь в форме нормативных установок*.

Предложенный синтез у одних исследователей вызывает возражения, у других — несколько иную интерпретацию, в соответствии с которой никакого синтеза здесь нет. Так, по мнению того же В. Автономова, в теории опекаемых благ «к обычным индивидам как бы добавляется еще один политически агрегированный индивид. ... Этот способ не выходит за рамки методологического индивидуализма в шумпетеровском понимании, если только не раскрывать факторы формирования функции полезности «агрегированного индивида». (Автономов (2014. С. 55)). Понятно, что данный вывод требует комментария.

Во-первых, среди множества родственных «измов» понятие «методологический релятивизм» показалось мне наиболее адекватным для подхода, развиваемого теорией опекаемых благ. Но дело не в обозначении данного принципа. Я готов применить его любое название, допускающее использование *надиндивидуальных*

факторов или субъектов, для объяснения поведения индивидуумов (Шумпетер (2001. С. 1172)). В случае теории опекаемых благ — это наличие нормативного стандарта, соответствующего интересу общества как такового, т. е. существование, наряду с интересами отдельных индивидуумов, нормативных установок общества, формируемых политической системой.

Во-вторых, введение в анализ «политически агрегированного индивида» обусловлено ключевым положением теории опекаемых благ о том, что наряду с интересами «обычных индивидов» существует несводимый к ним интерес общества как такового. И это утверждение, характеризующее процесс формирования особого, нормативного интереса общества, несовместимо, как мне кажется (выскажусь аккуратно), с онтологическим индивидуализмом, отвергающим такую особость. На следующей же стадии, когда рассматриваются экономические отношения, в которых участвуют как «обычные индивиды» с их интересами, так и «политически агрегированный индивид», обладающий собственными предпочтениями, методологический индивидуализм занимает свое привычное место²⁷.

В-третьих, имеется в виду не просто еще один «политически агрегированный индивид», хотя бы по той причине, что процесс «политического агрегирования» придает ему очевидную специфику, а также в силу того, что в теории опекаемых благ предпринята попытка «раскрытия факторов формирования функции полезности «агрегированного индивида». К этой теме, затрагивающей институциональные и политологические аспекты формирования нормативных интересов общества, я вернусь позже.

Здесь же следует вновь остановиться на рассмотрении базовых предпосылок теории благосостояния, теории общественных товаров и мериторных благ, концепции мягкого или либертарианского патернализма. Причем, если в экономической теории благосостояния методологический индивидуализм в комбинации с методологическим субъективизмом является естественной предпосылкой для генерирования нормативного стандарта, соответствующего рыночному спросу в условиях Парето-эффективного рыночно-

27. Более подробно я уже комментировал это положение, отвечая на критические замечания С. Кирдиной на одном из заседаний семинара «Теоретическая экономика» (Рубинштейн (2010а. С. 154–156)).

го равновесия²⁸, то для теорий общественных и мериторных благ, как и для концепции мягкого патернализма, использующих модель поведения индивидуумов с множественностью «я», ситуация выглядит совершенно иной.

Постулируемые в этих теориях «истинные предпочтения» представляют собой не что иное, как нормативный стандарт, формируемый «надындивидуальными факторами» или внешним источником оценки. Иначе говоря, такие, «нормативно правильные», предпочтения, соответствующие одному из «я», со всей очевидностью конфликтуют с методологическим индивидуализмом, который исходно декларируется этими теоретическими конструкциями²⁹.

И лишь отказ от радикального индивидуализма позволяет в этих теориях определять нормативный стандарт исходя из ценностных суждений о том, «как должно быть». И хотя он существует лишь имплицитно, можно сделать вывод, что, декларируя приверженность методологическому индивидуализму и одновременно нарушая данный канон, представители указанных теорий используют «по умолчанию» присущий им релятивизм.

При этом в теории опекаемых благ, аксиоматика которой содержит комбинацию методологического субъективизма и методологического релятивизма, нормативный стандарт определяется на основе интереса общества в форме его нормативных предпочтений как автономного субъекта рынка. Другими словами, релятивистский метод позволяет выделить особый интерес, присущий коллективной целостности³⁰. И все же комбинация методологического субъективизма и методологического релятивизма, обуславливая существование этого особого интереса общества, не является достаточной для описания механизмов его формирования.

-
28. Ценностный характер самого критерия эффективности по Парето позволяет говорить о нормативном стандарте и в теории общественного благосостояния.
29. В подтверждение этого вывода приведу замечание В. Автономова: «Таким образом, методологический индивидуализм в узком смысле должен держать фронт сразу в двух направлениях: против попыток навязать индивиду надындивидуальные предпочтения и попыток расчленения личности на множественные субличности с разными целевыми функциями» (*Автономов (2014. С. 55)*).
30. Следует подчеркнуть особо, что исследование интересов общества как целого не противоречит пониманию даже такого либерала, как Мизес: «методологический индивидуализм вовсе не оспаривает значимость коллективных целостностей, считая одной из основных своих задач описание и анализ их становления и исчезновения, изменяющейся структуры и функционирования» (*Мизес (2005. С. 43)*).

ИНТЕРЕС ОБЩЕСТВА «SUI GENERIS»

Рассматривая интерес общества как такового, необходимо ответить на два вопроса: если данный интерес не может быть представлен в виде рыночного агрегата предпочтений индивидуумов, то кто же является его носителем и каковы механизмы его формирования в политической среде? Пытаясь это сделать, обсуждая природу и механизмы формирования интересов социальной целостности, я исхожу из того же, о чем писал В. Автономов — из необходимости «раскрытия факторов формирования функции полезности «политически агрегированного индивида». Вполне вероятно, что недосказанность по данному вопросу в прежних работах породила известное недопонимание КЭС и теории опекаемых благ у некоторых моих коллег, приписывающих этим теориям чуть ли не метафизический и даже мистический (как у классика) характер (*Самуэльсон (2001. С. 371)*)).

Дело в том, что, если мы рассматриваем политическую ветвь формирования нормативных интересов общества, обосновывая их автономность и несводимость к интересам индивидуумов, участвующих в генерировании общественного интереса, выявляемого рыночным механизмом в форме совокупного спроса, то это не означает, что нормативные предпочтения общества определяет какой-то мистический орган. Конечно, нет. Как и в случае с рыночной ветвью, так и при формировании интереса общества «*sui generis*» участвуют конкретные люди, вступающие в определенное взаимодействие между собой и существующими институтами политической системы.

Истинная проблема лежит в иной плоскости и порождает другие принципиальные вопросы: это одни и те же люди или разные группы индивидуумов? Это одни и те же институты или разные институциональные среды имманентные каждой из двух ветвей формирования общественных интересов? Здесь, собственно, и проходит водораздел между стандартной теорией и теорией опекаемых благ, между узкой версией методологического индивидуализма, требующего полной редукции общественного интереса, и методологическим релятивизмом, допускающим наличие надиндивидуальных факторов, создающих институциональные условия для формирования интересов общества, не сводимых к предпочтениям индивидуумов, в том числе — нормативных установок общества.

При этом исследования социологов и политологов многократно фиксировали наличие социальных групп, интересы которых и поведение их членов существенно отличаются друг от друга (см., например, *Ореховский (2013. С. 19–20)*). Речь идет почти о банальном факте — о неоднородности общества, которую нельзя не учитывать, анализируя механизмы формирования интересов «политически агрегированного индивидуума». С этих позиций имеет смысл рассмотреть, как данный вопрос решается в анализируемых теориях общественного благосостояния, общественных и мериторных благ, концепции либертарианского или мягкого патернализма.

Понятно, что определенная целостность и самодостаточность экономической теории благосостояния, рассматривающей иррациональное поведение индивидуумов только в ряду изъянов рынка и провалов государства, на первый взгляд, не требует ни двоемыслия, ни нормативного стандарта, ни двух ветвей формирования общественного интереса. И все-таки это не совсем так. Нетрудно понять, что и в данной теории присутствует свой нормативный стандарт, принятый по умолчанию в виде оптимума по Парето — ценностного критерия, определившего норму, на основе которой оценивается поведение индивидуумов и рыночное равновесие. В соответствии именно с этой нормативной установкой определяются все ситуации, обозначенные провалами рынка. Особенностью данного нормативного стандарта является лишь то, что он признан не обществом в целом, а довольно небольшой

группой индивидуумов, представляющих научное сообщество экономистов, приверженцев неоклассической теории – основы мейнстрима.

Анализ же теории общественных товаров, в которой нормативный стандарт определяет «эксперт по этике», находящийся, по воле самого Самуэльсона, вне экономики (*Самуэльсон (2004. С. 375)*), позволяет утверждать, что в неявном виде здесь также используется фактор гетерогенности, обуславливающей существование различных социальных групп с отличающимися интересами. Это непосредственно следует из того, что «эксперт по этике», которого без ограничения общности можно отождествлять с парламентом, и индивидуумы, потребляющие общественные товары, в данной теории являются различными агентами с неодинаковыми предпочтениями.

Что же касается мериторики и концепции мягкого патернализма, то и здесь мы сталкиваемся с таким же, как и в теории общественных товаров, использованием по умолчанию условия гетерогенности. Дело в том, что и в мериторике, и в концепции либертарианского патернализма считается необходимым подталкивание индивидуумов к принятию «правильных решений» с точки зрения внешнего субъекта. Поэтому и в данном случае де-факто используется посылка гетерогенности, позволяющая разделить все множество агентов, в общем случае обладающих различными интересами, на тех, «кого подталкивают», и тех, «кто подталкивает».

Представляя теорию опекаемых благ, можно утверждать, что интересы, генерируемые политической ветвью, в принципе неадекватны интересам, формируемым рыночной средой. У подавляющего большинства людей подобные интересы вовсе отсутствуют. И лишь статистически незначимая часть общества – те, кого Платон называл «философами» (*Платон (1971, Т. 3. С. 275)*), Масгрейв относил к «информированной группе людей» (*Musgrave (1969. S. 16)*), а Шмидт – к «политикам» (*Schmidt (1988. S. 384)*), способна осознать эти интересы. Очевидно, что наличие этой особой группы людей, обеспечивающих их артикуляцию, также требует использования предпосылки неоднородности и позволяет выделить, по крайней мере, две основные группы: «индивидуумов», генерирующих общественный интерес посредством рыночного механизма, и

«политиков»³¹, кому остальная часть населения доверила заботиться об общем благосостоянии.

И если можно говорить об участии всех граждан в формировании интересов общества, генерируемых в политической среде, то лишь опосредованно, имея в виду передачу «политикам» в траст мнения избирателей³². В целом же, рассматривая политическую ветвь, следует иметь в виду социальные действия³³, соответствующие принципиально другому поведению «политиков» в отношении совершенно других событий. Поясню, что я имею в виду, говоря о «политиках», «других событиях» и «другом поведении».

Обсуждая проблемы методологии и уподобляя государство «политически агрегированному индивиду» и рыночному субъекту, реализующему нормативный интерес общества, нельзя забывать вердикт Р. Будона, который подчеркивал, что подобные предположения правомочны лишь в том случае, если этот субъект «..наделен институциональными формами, позволяющими ему принимать коллективные решения» (*Boudon (1979)*). Таким образом, очевидным требованием к «политически агрегированному индивиду» — субъекту рынка, является наличие некой институциональной системы, позволяющей принимать решения от имени общества. В сущности, речь идет еще об одном аспекте рассматриваемой методологии — о политическом устройстве государства и институтах гражданского общества, обеспечивающих возможность коллективных решений.

-
31. Отвлекусь и здесь на небольшой комментарий и процитирую Мизеса: «Новые идеи и новшества всегда являются достижениями незаурядных людей» (*Мизес (2005. С. 810)*). И дальше — «Массы лишь делают выбор между идеологиями, разработанными интеллектуальными лидерами человечества» (*Мизес (2005. С. 811)*). При этом, «если они предпочитают плохие доктрины, ничто не в силах предотвратить катастрофу» (*Мизес (2005. С. 811)*). Признавая правоту Мизеса, подчеркну, что, к сожалению, всегда существуют риски выбора «плохих доктрин», формирующих «вредные» нормативные установки общества. См. также работы: (*Асетогли (2007)*, *Радыгин, Энтов (2012. С. 17)*), в которых исследуются вопросы живучести неэффективных хозяйственных и политических институтов.
32. Отметим, в частности, что общественный интерес Р. Масгрейв рассматривает как результат «передачи в политический траст» индивидуальных предпочтений. Голосуя на выборах за того или иного кандидата, индивидуумы вместе со своим голосом передают ему право выражать их мнение о том, какими должны быть общественные предпочтения (*Рубинштейн (2009с. С. 100–101)*).
33. Подчеркну, что социальным, по Веберу, «следует называть такое действие, которое по предлагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием *других людей* на него. ... Это определение одновременно обозначает переход от ориентации действия к его координации» (*Шлюхтер (2004. С. 27–28)*).

В предисловии к англоязычному переводу книги Кнута Викселя «Исследование по теории финансов» Джеймс Бьюкенен призвал «коллег-экономистов сначала построить какую-либо модель государственного или политического устройства, а уже потом приступить к анализу результатов государственной деятельности» (Бьюкенен (1997. С. 18)). Следуя данной установке и в целях анализа формирования нормативных общественных интересов, мы рассматриваем достаточно простую модель парламентской демократии. Речь идет о демократически устроенном обществе и его институтах, включая систему демократических выборов и сам парламент, члены которого на основе установленной процедуры определяют нормативные интересы общества и их текущие приоритеты. Без ограничения общности и в целях данного исследования можно общую совокупность политиков сузить до членов демократически избранного парламента.

Причем, если в рыночной среде индивидум оценивает имеющиеся альтернативы с позиций своих субъективных представлений и желаний, то политическая ветвь генерирует альтернативы, связанные с нормативным пониманием благосостояния общества. И в этом смысле речь идет о «других событиях». Например, если в рыночной среде индивидум решает вопрос, пойти ему в театр или купить яблоки, то в политической среде перед членами парламента встает иная альтернатива: надо ли поддержать приобщение населения к театральному искусству или важнее потребление населением фруктов. Поэтому можно считать, что в политическом процессе формирования общественных интересов, в отличие от рыночной ветви, рассматриваются, как правило, «другие события».

И, наконец, следует обратить внимание на «другое поведение», потому что в отличие от индивидуумов предпочтения «политиков», действующих от имени общества, обусловлены главным образом не личными, а общественными средствами. Причем, на возможность более низкой оценки полезности общественных ресурсов для людей, принимающих решения о направлениях государственных расходов, по отношению к их собственным средствам, указывают многие исследования³⁴. Этот генетический

34. Надо сказать, что конец XX столетия оказался переполнен различными упоминаниями о «рентоищущем классе», «политическом доходе», «бюрократической ренте», «логролинге» и т.п.

«порок» общественных средств, способствующий коррупции и самым разным схемам «использования служебного положения», собственно, и порождает другую мотивацию и «другое поведение» политиков³⁵.

Итак, согласуясь с фактическим положением дел и не вводя дополнительные допущения³⁶, можно считать, что нормативный интерес общества, тот самый «sui generis», определяют политики. Используя данный вывод, попытаюсь ответить и на вторую часть вопроса о механизмах формирования данного интереса – о выработке «коллективных решений». Замечу при этом, что подобные решения, генерируемые политической ветвью, в отличие от рыночных механизмов саморегулирования, целесообразно рассматривать как результат дискурса, детерминированного сложившимися институтами и интересами властных элит, способными как приближать, так и отдалять общественный выбор от реальных потребностей общества. Справедливо также и замечание о том, что «политический процесс обладает собственной логикой, во многих случаях не совпадающей с привычной логикой оптимизирующих экономических механизмов» (Радыгин, Энтов (2012. С. 26)).

И, если в недавнем прошлом доминировала концепция «благожелательного» и «благотворящего» государства, активность которого направлена на реализацию общественных интересов, то во второй половине XX столетия все большую роль начинает играть тезис о смещении общественного выбора и связанных с ним политических решений в сторону интересов правящих элит (Stigler (1971)).

-
35. Многие авторы отмечают, что бюджетные средства распределяются на финансирование общественных товаров и ренту, которую присваивают политические и экономические элиты, стремящиеся сохранить и даже увеличить эту ренту.
36. Я имею в виду довольно сильную гипотезу, связанную с тем, что у каждого индивидуума существуют личные представления о благосостоянии общества. В соответствии с данной предпосылкой, ставшей после известной статьи Абрама Бергсона (Bergson (1938)) весьма распространенным приемом многих модельных работ, общественный интерес с определенным весом (множителем) входит в функции полезности всех индивидуумов (см., например, Margolis (1982)). При этом допускается, что не во всех функциях индивидуальной полезности эти множители отличны от нуля, что позволяет строить формальные модели, включающие парламентские решения. В этом смысле свободная от данной гипотезы и альтернативная указанному подходу теория опекаемых благ, рассматривающая рыночное взаимодействие обычных индивидуумов между собой и «политически агрегированным индивидуумом», обладающим собственной функцией полезности, создает предпосылки для построения обобщенной модели Викселля-Линдаля, в которой в предельные условия равновесия наряду с индивидуальным входит спрос политически агрегированного индивидуума (Рубинштейн (2009б)).

Данный вывод корреспондирует еще с одной предпосылкой теории опекаемых благ. Я исхожу из довольно распространенной точки зрения, согласно которой истинный интерес общества всегда отличается от общественного выбора, реализуемого с помощью парламентской процедуры. Иначе говоря, политическая ветвь актуализирует лишь те интересы, которые готова признать сама политическая система, т. е. совокупность действующих институтов и индивидуумов, включая парламент с его властными полномочиями. Именно эти интересы, вне зависимости от их приближения к реальным потребностям социума, становятся нормативными интересами общества, порождая определенный произвол «коллективных решений».

В связи с этим надо обратить внимание на фундаментальное противоречие, имманентное современному политическому процессу. С одной стороны, всякая демократическая система предполагает главенство большинства, с другой — подчинение большинству нередко трансформируется в «уклонение за большинством»³⁷. Соглашаясь с предпочтением «многих» и уклоняясь за ними, индивидуумы и политики рискуют пройти мимо правильного выбора. Рискуют и все общество: подталкиваемое демократическим большинством оно может оказаться вне зоны эффективных решений. Примеров тому достаточно. Часто и даже слишком часто наша история демонстрирует абсолютное несовпадение «многих» с «правыми».

Приведу здесь и слова Мизеса: «Сегодня даже многие из тех, кто поддерживает демократические институты, игнорируют эти идеи. Аргументы, которые они выдвигают в пользу свободы и демократии, заражены коллективистскими ошибками; их доктрины являются скорее искажением, нежели поддержкой подлинного либерализма. По их мнению, большинство всегда право просто потому, что способно сокрушить любую оппозицию; власть боль-

37. «Нетрудно устоять перед уговорами и влиянием одного злодея, но когда множество несетя под уклон с неудержимой стремительностью, то не оказаться в потоке есть признак души благородной и разума, воспитанного мужеством» (*Philo. De spec. leg. IV, 45–47 — цит. по: Ковельман (1996. С. 65)*). Эти современного звучания слова принадлежат Филону Александрийскому — философу I в. н.э., соединившему в своих ученых трудах еврейскую традицию с греческой культурой. И хотя Аркадий Ковельман рассматривает их лишь как толкование («мидраш») к библейской заповеди — «Не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, уклоняясь за большинством, чтобы извратить суд» (*Исх. 23,2 — цит. по: Ковельман (1996. С. 65)*), в данном случае важен сам смысл сказанного, облеченный Филоном в изящную словесную форму.

шинства является диктаторской властью самой многочисленной партии, а правящее большинство не должно само ограничивать себя, осуществляя свою власть и проводя в жизнь свою политику. ... Такой псевдолиберализм является полной противоположностью либеральной доктрины» (*Мизес (2005. С. 144)*).

Трудно с этим не согласиться. Ограничение правящего большинства и защита оппозиционного меньшинства — это исходный принцип теории опекаемых благ. Речь идет о создании институциональных условий для индивидуума сохранять свой голос, не «уклоняясь за большинством». К сказанному добавлю, что вне зависимости от механизмов формирования общественного интереса — будь то персональное решение лидера группы или выбор некоторой коалиции единомышленников (партии), или голосование всех членов группы, он всегда определяется в форме ценностных, нормативных суждений. При этом нормативные интересы в меру развитости общества и его политической системы впитывают в себя предпочтения, отражающие социально одобряемые ценности и этические нормы, иные социальные и экономические установки, присутствующие в программах политических партий и общественных движений, выступающих от имени различных социальных групп.

Иначе говоря, в область нормативных интересов, генерируемых политической ветвью, попадают те ценностные суждения, которые Самуэльсон предписывал своему «эксперту по этике» (*Samuelson (1954)*), а представители мериторики и мягкого патернализма называли «истинными предпочтениями» (*Musgrave (1957)*, *Musgrave et. all (1994)*, *Brennan, Lomasky (1983)*, *Tietzel, Muller (1998)*, *Sunstein, Thaler (2003, 2009)*). Но оговорюсь еще раз, мера адекватности этих нормативных интересов обусловлена развитостью самого общества и его политической системы, а, главное, сопряжена с рисками принятия субъективных и не всегда «хороших» решений.

Формируемые в институциональных средах рыночной и политической ветви соответствующие интересы дополняют друг друга. В этом смысле государственная активность (в простейшем случае направленная на устранение изъянов рынка), теоретически улучшающая экономическое положение, влияет и на политическую ситуацию. Причем это влияние, как показали Дарон Асемоглу и

Джеймс Робинсон, может оказаться и деструктивным, способствуя в итоге формированию неэффективной экономики (*Асемоглу, Робинсон (2013. С. 17–19)*). Верным является и общее положение о несостоятельности «прекраснодушного» и широко распространенного тезиса, что «хорошая экономика и есть хорошая политика» (*Норт, Уоллис, Вайнгаст (2011)*). Замечу также, что парламентская партия (коалиции), обладающая необходимым большинством голосов, способна провести через голосование практически любые решения, отвечающие интересам самой партии³⁸. И дело не только в том, насколько представителен парламент и как организована его работа. Важной составляющей является процедура принятия решений и те принципы, которые лежат в ее основе.

Известно много подходов и существует обширная литература, в которой подробно рассмотрены различные аспекты принятия коллективных решений, включая теорию общественного выбора и новую политическую экономию. Их общей чертой является взгляд на парламент как на совокупность индивидуумов-политиков, участвующих в выработке решений путем различных вариантов голосования (принцип единогласия, квалифицированного или простого большинства). При этом структура парламента и наличие в нем небольших фракций, сформированных оппозиционными партиями, оказывает воздействие лишь на процесс обсуждения, предваряющий голосование, и практически не влияет на его результаты. Иначе говоря, парламент чаще всего рассматривается в качестве однородной группы политиков, определяющей нормативные интересы общества, соответствующие большинству голосов депутатов.

В последнюю четверть века все большее место занимают альтернативные концепции³⁹. В их ряду исследования Жан-Жака Лаффона, который подчеркивает, что «несмотря на доминирование в экономике взгляда на общественный интерес как на решающий при выборе пути развития, «интервенция» теории групп интересов,

38. Данный феномен особенно характерен для стран с невысоким уровнем развития гражданского общества, демократических институтов и политической культуры (*Полтерович (2002), Полтерович, Попов (2007), Полтерович, Попов, Тонис (2008), Хиллман (2009)*).

39. Как отмечает А. Оболонский: «Наступил конец знакомого мира». В частности, происходит десакрализация государства как якобы носителя неких «высших», надиндивидуальных, приоритетных по отношению к интересам обычных граждан целей и задач (*Оболонский (2005. С. 77)*).

делающей особый акцент на их влияние в формировании политических решений, продолжает расширяться» (Лаффон (2007. С. 23)). Анализируя эту тенденцию, Лаффон рассматривает «аутентичного советника» правящей партии, который предлагает программу действий, увеличивающую ее выгоды в данной экономической и политической ситуации» (Лаффон (2007. С. 22)).

В посткоммунистической России и особенно в 2000-е гг. этот процесс проявляется особенно зримо: «...между обществом и элитами сохраняется значительный конфликт интересов, следствием которого и стал наблюдаемый в настоящее время дефицит институтов – общественных благ, обслуживающих все общество, а не только его привилегированную часть» (Полищук (2013. С. 41))⁴⁰. Вместе с тем было бы ошибочным думать о наличии единственно возможного выбора. Он всегда лежит в поле нормативных решений, где главную роль играют социальные, экономические установки и целевые ориентиры парламентского большинства. Так или иначе, но социум всегда сталкивается с политическим произволом в определении нормативных интересов, искажающим реальные потребности и текущие приоритеты общества.

И если в теории общественных товаров и мериторных благ, как и в концепции либертарианского патернализма, проблема формирования патерналистских установок «умалчивается» или «по умолчанию» предполагается их исходная направленность на увеличение благосостояния общества, то в теории опекаемых благ данный вопрос играет первостепенную роль и подвергается анализу сквозь призму коллективных решений парламента. При этом сам парламент рассматривается как совокупность «аутентичных советников» крупных и мелких политических партий, представляющих интересы соответствующих групп избирателей.

Такой подход дает основание применить «Теорему о невозможности» К. Эрроу к совокупности «аутентичных советни-

40. Добавлю замечание Марка Урнова: «Моральный авторитет российской политической элиты в настоящее время довольно низок – во всяком случае, существенно ниже, чем в большинстве ведущих стран мира». И далее – «Рассчитанный по методике Edelman Trust Barometer индекс доверия к институтам государственной власти в России в 2011 и 2013 году равнялся соответственно 29 и 23 пунктам из 100 возможных... Согласно ESS в 2012 году доля российских респондентов, в той или иной мере доверяющих парламенту, составляла 18%...» (Урнов (2014. С. 26)).

ков» и сделать вывод о принципиальной невозможности согласовать предпочтения парламентских партий, кроме случая с диктатором, когда все голосуют также, как он. При этом реальная политическая практика демократических государств демонстрирует важную закономерность: *всякий парламент эволюционирует в сторону появления «коллективного диктатора» в виде партии власти или партийной коалиции, обладающей необходимым большинством голосов для принятия коллективных решений.* В этом случае голоса оппозиционных партий не влияют на коллективные решения, и потому с некоторой долей условности могут рассматриваться как разделяющие позицию «диктатора».

Следствием такой трактовки является вывод о *недостаточности парламентского голосования*, результаты которого (простое, а в некоторых случаях и квалифицированное большинство) могут порождать решения, нерелевантные реальным потребностям и приоритетам общества, игнорирующие предпочтения меньшинств партий, а вместе с ними интересы многих миллионов их избирателей.

Относится это к любым процедурам «коллективных решений», о которых писал Будон и предупреждал Мизес. Решения властного большинства не учитывают, как правило, интересы других парламентских партий. Поэтому для приближения общественного выбора к реальным общественным потребностям необходимо развивать институты гражданского общества, создавать институциональные условия «не уклоняться за большинством», предусматривающие участие оппозиционных партий, несистемной оппозиции и отдельных граждан в формировании и реализации нормативных интересов общества. В теории опекаемых благ это важное положение сформулировано как общий принцип политической конкуренции в принятии коллективных решений, не допускающий «диктатуры большинства».

ПРИЛОЖЕНИЕ – ПРИМЕРЫ ИНСТИТУТОВ
ПАРЛАМЕНТСКОГО ГОЛОСОВАНИЯ

Речь идет о некоторых прикладных аспектах теории опекаемых благ, о механизмах демократизации политических и экономических решений, о сдержках и противовесах, которые особенно важны для успешного функционирования парламентской системы. Если политическая ветвь не использует данный принцип, то монополизация процесса определения нормативного интереса партией власти или соответствующей партийной коалицией становится неизбежной. Исходя из этого, в теории опекаемых благ предложен ряд институтов, модифицирующих стандартную процедуру парламентского голосования. Один из них основан на хорошо известном институте вето. Речь идет о том, что для принятия большинства федеральных законов, отвечающих нормативным интересам общества, необходимо одобрение законопроектов не менее 80% депутатов Государственной Думы.

Принципиальным является введение еще одного института гражданского общества, наделяющего определенными правами оппозиционные партии в области формирования и реализации нормативных общественных интересов в процессе утверждения государственного бюджета. В частности, предложена процедура «нулевого чтения», охватывающего не более 90% государственных расходов, но в которой участвуют представители всех думских партий. В последующих же двух чтениях оппозиционным парламентским партиям предоставляется исключительное право дополнять расходы бюджета (не менее 10%), направляя указанные средства

на реализацию интересов социальных групп, представленных в программах этих партий, действующих от имени многих миллионов их избирателей⁴¹.

Кроме непосредственного влияния на процесс распределения бюджетных средств, этот институт обладает еще двумя особенностями. Во-первых, 10%-ная «квота» оппозиционных партий подтолкнет партию власти (коалицию) к переводу ряда решений из процесса голосования в зону переговоров и поисков компромиссов, что само по себе является определенным шагом в ограничении монополии партии власти. Во-вторых, итоги голосования оппозиционных партий по бюджету станут информационным сигналом для их избирателей, позволяющим установить, насколько реальное поведение этих партий соответствует их предвыборным программам.

В качестве важнейшей составляющей развития гражданского общества может быть предложен еще один институт – индивидуальных бюджетных назначений, содержательной доминантой которого является прямое участие граждан в распределении части государственных расходов. Данный институт предусматривает возможность свободного выбора приоритетных направлений расходования небольшой части бюджетных средств, в пределах 2% НДС или в привязке к определенной доле косвенных налогов, реализующего право налогоплательщиков самостоятельно решать, какие виды расходов на социальные и гуманитарные программы имеют для них наибольшее значение.

В упрощенной форме этот институт гражданского общества уже используется рядом европейских стран в форме «процентной филантропии» (*percentage philanthropy*). Законодательные новации начала XIX – середины XX в., относящиеся к католической церкви, способствовали созданию новой модели финансовой поддержки социально-культурных видов деятельности (*Allen (1999)*). В результате принятия в 1996 г. в Венгрии специального закона граждане этой страны получили право требовать от налогового органа перечисления 1% уплачиваемого подоходного налога в пользу соответствующих организаций культуры. Последующие институ-

41. Приведенные 80% и 90% – очень примерные цифры. Их конкретные значения зависят от структуры парламента, доли голосов в нем оппозиционных партий. Замечу также, что эти 10% могут быть распределены между оппозиционными партиями пропорционально их «весу» в парламенте.

циональные реформы 2006–2007 гг. в Евросоюзе позволили гражданам ряда стран выбирать, на какие общественно-полезные цели отчислять от 1 до 2% своего подоходного налога (*Fazekas (2000), Bullain (2004), Kuti, Vajda (2000), Кнац, Соборников, Тисленко (2010), Рубинштейн (2010b, 2014), Хаунина (2012, 2013)*).

Можно обсуждать конкретные цифры для предлагаемых институтов, уточняя их в ходе эмпирических исследований. При этом кажется очевидной необходимость модернизации существующей парламентской демократии, наделения оппозиционных партий политическими и экономическими правами, обеспечивающими ослабление монополии правящей партии и усиление политической конкуренции, развития институтов прямого участия граждан в распределении налоговых доходов государства.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Сравнительный методологический анализ рассмотренных теоретических построений позволяет сформулировать общие выводы исследования. Во-первых, подчеркну, что в основе теории опекаемых благ лежат три основные предпосылки: методологический субъективизм, методологический релятивизм и принцип политической конкуренции в принятии коллективных решений. Они интерпретированы в этой теории в виде: предположения о том, что каждый человек, в меру своего понимания, опираясь на собственные ценности, действует в предлагаемых обстоятельствах наилучшим для себя образом; принципа комплементарности полезностей, в соответствии с которым допускается наличие группового интереса наряду с интересами индивидуумов и существования двух, не сводимых другу к другу, ветвей формирования общественного интереса — рыночной и политической; предположения о необходимости создания институтов, ограничивающих «диктатуру парламентского большинства».

Во-вторых, анализ основных предпосылок теории общественных и мериторных благ, концепции либертарианского патернализма позволяет предположить, что с точки зрения методологии эти теоретические построения являются частными случаями теории опекаемых благ⁴². В пользу данной гипотезы говорит прямое сопо-

42. В данном контексте имеет смысл обратить внимание на исследование О. Ананьина «Онтологические предпосылки экономических теорий» (*Ананьин (2013)*). В этом докладе, представленном на семинаре «Теоретическая экономика», он отмечает, в частности: «...в корпусе экономического знания выделялись научно-исследовательские программы, для каждой из которых идентифицировались их «жесткие ядра», а фактически — онтологии: неопровержимые в рамках исследовательской программы наборы базовых предпосылок» (*Ананьин (2013. С. 18)*). В аннотации к докладу такие онтологии автор называет частными.

ставление используемых исходных предпосылок. Можно заметить, в частности, что кроме принципа методологического субъективизма все остальные исходные предпосылки и вытекающие из них следствия с точностью до общей формулировки являются одинаковыми во всех сравниваемых теоретических построениях.

В-третьих, ключом к этим результатам послужили категории нормативного интереса и социальной полезности, определившие новую трактовку государственной активности: на место нежелательного для неоклассики вмешательства государства приходит равноправное участие государства в хозяйственной жизни общества, а вместо демонизируемого бюджетного бремени — обусловленные общественным выбором государственные расходы, направленные на реализацию нормативных интересов общества.

В-четвертых, интерес общества как такового существует лишь в виде нормативных установок общества; для приближения общественного выбора к реальным общественным интересам необходимо создавать и развивать институты гражданского общества, ограничивающие монопольную власть парламентского большинства, обеспечивающие развитие политической конкуренции и демократизацию принимаемых политических и экономических решений, предусматривающие участие оппозиционных партий, несистемной оппозиции и отдельных граждан в формировании и реализации нормативных интересов общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов В.С. Абстракция – мать порядка? // Вопросы экономики. 2013. №4.
2. Автономов В.С. Еще несколько слов о методологическом индивидуализме // Общественные науки и современность. 2014. №3. С. 53–56.
3. Ананьин О.И. Онтологические предпосылки экономических теорий. М.: Институт экономики РАН, 2013.
4. Асемоглу Д., Робинсон Дж. Политика или экономика? Ловушки стандартных решений // Вопросы экономики. 2013. №12.
5. Белянин А. Дэниел Канеман и Вернон Смит: экономический анализ человеческого поведения (Нобелевская премия за чувство реальности) // Вопросы экономики. 2003. №1. С. 4–23.
6. Берлин И. Философия свободы. Европа / Предисловие А. Эткинда. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
7. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. М.: Таурис Альфа, 1997.
8. Вебер М. Исследования по методологии наук. М.: ИНИОН, 1980.
9. Вебер М. Избранное. Образ общества: Пер. с нем. М.: Юрист, 1994.
10. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М.: ИЭ РАН, 2008.
11. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Теория, инновации и контуры будущей экономики в диалоге с Кеннетом Эрроу // Вопросы экономики. 2010. №10.
12. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир, 2013.

13. *De Soto* У.Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество; пер. с англ. Б.С. Пинскера под ред. А. В. Куряева. Челябинск: Социум, 2009.
14. *De Soto* Х.У. Социально-экономическая теория динамической эффективности. Челябинск: Социум, 2011.
15. *Дерябина* М.А. Горизонтальные связи и сетевая координация в современной экономике // *Общественные науки и современность*. 2014. №1. С. 65–76.
16. *Дози* Дж. Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы // *Вопросы экономики*. 2012. №12.
17. *Дэвидсон* Д. Исследование истины и интерпретации. М.: Праксис, 2003.
18. *Дюркгейм* Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
19. *Заостровцев* А.П. Социальный либерализм : анализ и позиция австрийской школы // *Общественные науки и современность*. 2015. №1. С. 64–74.
20. *Канеман* Д., *Тверски* А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // *Психологический журнал*. 2003. Т. 24. №4.
21. *Капелюшников* Р.И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть I // *Вопросы экономики*. 2013а. №9.
22. *Капелюшников* Р.И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть II // *Вопросы экономики*. 2013б. №10.
23. *Кирдина* С.Г. К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. М.: Институт экономики РАН, 2013а.
24. *Кирдина* С.Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // *Вопросы экономики*. 2013б. №10.
25. *Кирдина* С.Г. Междисциплинарные исследования в экономике и социологии: проблемы методологии // *Общественные науки и современность*. 2014. №5. С. 60–75.
26. *Кнац* Ю., *Соборников* И., *Тисленко* Д. «Процентная филантропия»: о возможности введения в России налога на содержание некоммерческих организаций. М., 2010. <http://www.tmbv.info/index...>
27. *Ковельман* А.Б. Толпа и мудрецы Талмуда. Москва–Иерусалим, 1996.

28. Коландер Д. Революционное значение сложности и будущее экономической науки // Вопросы экономики. 2009. №1.
29. Кроуфорд В. Модели ограниченной рациональности vs. оптимизационные модели стратегического мышления и обучения в играх // Вопросы экономики. 2014. №5.
30. Лаффон Ж.-Ж. Стимулы и политэкономия / Пер. с англ. М.: Изда. дом ГУ-ВШЭ, 2007.
31. Лецак О.В. Очерки по функциональному прагматизму: Методология – онтология – эпистемология. Тернополь-Кельце: Підручники & посібники, 2002.
32. Либман А.М. Социальный либерализм, общественный интерес и поведенческая экономика // Общественные науки и современность. 2013. №1. С. 27–38.
33. Майерсон Р. Равновесие по Нэшу и история экономической науки // Вопросы экономики. 2010. №6.
34. Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. I. М.: Прогресс, 1983.
35. Масгрейв Р., Масгрейв П. Государственные финансы: теория и практика (Пер. англ.). М.: Бизнес Атлас, 2009.
36. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005.
37. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2011.
38. Оболонский А.В. Геополитика как феномен ложного сознания // Общественные науки и современность. 2015. №1. С. 75–82.
39. Ольсевич Ю.Я. Современный кризис «мейнстрима» в оценках его представителей (предварительный анализ). М.: Институт экономики РАН, 2013.
40. Ореховский П.А. Посылка однородности экономических агентов: парадоксы теории практики. М.: Институт экономики РАН, 2013.
41. Павлов И.А. Поведенческая экономическая теория – позитивный подход к исследованиям человеческого поведения. М.: Институт экономики РАН, 2007.
42. Павлов И.А. Феномен «уклонения от двусмысленности» в теории рационального выбора. М.: Институт экономики РАН, 2011.

43. Платон. Государство / Платон. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. (1).
44. Полищук Л.И. Аутсорсинг институтов // Вопросы экономики. 2013. №9. С. 40–65.
45. Полтерович В.М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. 1998. №1.
46. Полтерович В.М. Политическая культура и трансформационный спад // Экономика и математические методы. 2002. Т. 38. №4.
47. Полтерович В.М. Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. 2011. №2.
48. Полтерович В.М., Попов В.В. Демократизация и экономический рост // Общественные науки и современность. 2007. №2.
49. Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С. Нестабильность демократии в странах, богатых ресурсами // Экономический журнал ВШЭ. 2008. Т. 12. №2.
50. Рабин М. Интеграция ограниченной рациональности в экономическую науку // Вопросы экономики. 2014. №5.
51. Радыгин А., Энтов Р. «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. 2012. №12.
52. Рубинштейн А.Я. К теории рынков «опекаемых благ». Статья 1. «Опекаемые блага и их место в экономической теории» // Общественные науки и современность. 2009а. №1.
53. Рубинштейн А.Я. К теории рынков «опекаемых благ». Статья 2. «Социодинамическое описание рынков опекаемых благ» // Общественные науки и современность. 2009б. №2.
54. Рубинштейн А.Я. Мериторика и экономическая социодинамика: дискуссия с Р. Масгрейвом // Вопросы экономики. 2009с. №11.
55. Рубинштейн А.Я. Рождение теории. Разговоры с известными экономистами. М.: Экономика, 2010а.
56. Рубинштейн А.Я. Вместо заключения // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010б. №6.
57. Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // Общественные науки и современность. 2012. №6.
58. Рубинштейн А.Я. Опекаемые блага в оптике сравнительной методологии. М.: Институт экономики РАН, 2013.
59. Рубинштейн А.Я. Методологический анализ теории опекаемых благ // Urbi et orbi. В 3 т. СПб.: Алетейя, 2014. Т. 1. Теоретическая экономика.

60. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Вып. 3.
61. Самуэльсон П.Э. Чистая теория общественных расходов // Вехи экономической мысли. Т.4. Экономика благосостояния и общественный выбор / Под общ. ред. А.П. Заостровцева. СПб: Экономическая школа, 2004.
62. Тамбовцев В.Л. Методологический анализ и развитие экономической науки // Общественные науки и современность. 2013. №4. С. 42–53.
63. Тихонова Н.Е. Социальный либерализм: есть ли альтернатива? // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 32–44.
64. Урнов М.Ю. Социальный либерализм в России (взгляд политолога) // Общественные науки и современность. 2013. №3. С. 30–43.
65. Урнов М.Ю. Россия: виртуальные и реальные политические перспективы. М.: НИУ Высшая школа экономики, 2014.
66. Фридман М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 20–52.
67. Харстад Р.М., Зельтен Р. Модели ограниченной рациональности: пути достижения интеллектуальной конкурентоспособности // Вопросы экономики. 2014. №5.
68. Хаунина Т.А. «Процентная филантропия» — дополнительный финансовый ресурс для организаций социально-культурной сферы // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. №2(14).
69. Хаунина Т.А. «Процентная филантропия» — проблемы трансплантации успешного института финансовой поддержки культурной деятельности / Культура и рынок. Опекатье блага. СПб: Алетейя, 2013.
70. Хиллман А.А. Государство и экономическая политика. Возможности и ограничения управления. М: ГУ ВШЭ, 2009.
71. Хэндс У. Нормативная теория рационального выбора: прошлое, настоящее и будущее // Вопросы экономики. 2012. №10.
72. Шлюхтер В. Действие, порядок и культура: основные черты веберовской исследовательской программы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. №2. С. 22–50.
73. Шумпетер Й. История экономического анализа: в 3-х т. СПб: Экономическая школа, 2001. Т. 3.
74. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Составление Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского и В.К. Финна. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

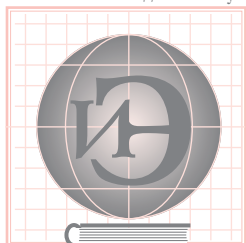
75. *Acemoglu D.* Modeling Inefficient Institutions // *Advances in Economic Theory. Proceeding of the World Congress 2005.* Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2007. P. 341–380.
76. *Agassi J.* Methodological individualism // *The British Journal of Sociology.* 1960. Vol. 11. No 3. H. 244–270.
77. *Allen J.* In Europe 'Church Taxes' Not Unusual, 35 (13) *National Catholic Reporter* 1999, 5.
78. *Becker G.* A Theory of Competition Among Pressure Groups for Political Influence // *The Quarterly Journal of Economics.* 1983. Vol. 98.
79. *Bergson A.* A Reformulation of Certain Aspects of Welfare Economics // *Quarterly Journal of Economics.* February 1938.
80. *Boudon R.* *La logique du sociale: introduction a l'analyse sociologique.* Paris, 1979.
81. *Brennan G., Lomasky L.* Institutional Aspects of «Merit Goods» Analysis // *Finanzarchiv.* 1983. No 41. S. 183–206.
82. *Bullain N.* Explaining Percentage Philanthropy: Legal Nature, Rationales, Impacts / *The International Journal of Not Profit Law.* 2004. Vol. 7. Issue 1. September.
83. *Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M.* Regulation for Conservatives. Behavioral Economics and the case for 'Asymmetric Paternalism' // *University of Pennsylvania law Review.* 2003. Vol. 151. P. 1211–1254.
84. *Coleman J.S.* *Grundlagen der Sozialtheorie.* 3 Bde. München, 1991.
85. *D'Amico D.* Merit Goods, Paternalism and Responsibility. Paper presented at Xxi Conference «Public Choice and Political». Universita de Pavia, 2009. 24–25 September.
86. *Dosi G., Marengo L., Fagiolo G.* Learning in Evolutionary Environments // *The Evolutionary Foundations of Economics.* Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
87. *Fazekas E.* The 1% Law in Hungary: Private Donation from Public Funds to the Civil Sphere. *The Journal of East European Law.* 2000. Vol. 7. Nos. 3–4.
88. *Grinberg R., Rubinstein A.* *Economic Sociodynamics.* Berlin, New York: Springer-Verlag, 2005.
89. *Grinberg R., Rubinstein A.* *Economic Sociodynamics.* Berlin, New York: Springer-Verlag, 2010.

90. *Hodgson G.* Meanings of Methodological Individualism // *Journal of Economic Methodology*. 2007. Vol. 14. No 2. P. 211–226.
91. *Kahneman D.* Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // *American Economic Review*. 2003. Vol. 93. No 5. P. 1449–1475.
92. *Kahneman D., Tversky A.* (Eds.). *Choices, Values and Frames*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
93. *Katona G.* *Psychological Analysis of Economic Behavior*. NY: McGraw-Hill, 1951.
94. *Koboldt C.* *Ökonomik der Versuchung; Drogenverbot und Sozialvertragstheorie*. Tübingen: Mohr, 1995.
95. *Kuti E., Vajda A.* Citizen's Votes for Non-Profit Activities in Hungary, Nonprofit Information and Training Center – Non-Profit Research Group. 2000. Available at: <http://www.niok.hu/1/indexe.htm>, or: <http://www.onepercent.hu/documents.htm#S1Studies> (accessed: November 2014).
96. *Margolis H.* *Selfishness, Altruism and Rationality: A Theory of Social Choice*. Chicago and London, 1982.
97. *Mayer T.* *Truth versus Precision in Economics*. Aldershot: Edward Elgar, 1993.
98. *Müller Ch., Tietzel M.* Merit goods from a constitutional perspective. In: Brennan G. et al. (eds). *Method and Morals in Constitutional Economics: Essays in Honor of James M. Buchanan*. Berlin & New York: Springer, 2002. P. 375–400.
99. *Musgrave R.A.* A Multiple Theory of Budget Determination // *Finanzarchiv*. 1957. Vol. 17.
100. *Musgrave R.A.* *The Theory of Public Finance*. N.Y. – London: McGraw-Hill, 1959.
101. *Musgrave R.A.* Provision for Social Goods. In: J. Margolis, H. Guitton (eds.). *Public Economics*. London-Basingstoke: MacMillan, 1969.
102. *Musgrave R.A., Musgrave P.B., Kullmer L.* *Die öffentlichen Finanzen in Theorie und Praxis*, Band 1, 6. Auflage, Tübingen, 1994.
103. *Samuelson P.A.* The pure theory of public expenditure // *Review of Economics and Statistics*. 1954. Vol. 36. No. 4.
104. *Schelling T.* The intimate contest for self-command. In: *Choice and Consequence: Perspectives of an errant economist*. Harvard: Harvard University Press, 1984.

105. *Schmidt K.* Mehr zur Meritorik. Kritisches und Alternatives zu der Lehre von den öffentlichen Gütern // Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften. 108. Jahrgang 1988.
106. *Schneider W., Shiffrin R.M.* Controlled and Automatic Human Information Processing: I. Detection, Search, and Attention // Psychological Review. 1977a. Vol. 84. No 1. P. 1–66.
107. *Schneider W., Shiffrin R.M.* Controlled and Automatic Human Information Processing: II. Perceptual Learning, Automatic Attending and a General Theory // Psychological Review. 1977b. Vol. 84. No 2. P. 127–190.
108. *Shefrin H.M., Thaler R.* An Economic Theory of Self. Center for Economic Analysis of Human Behavior and Social Institutions. Working Paper. 1978. No. 208.
109. *Simon H.A.* A Behavioral Model of Rational Choice // Quarterly Journal of Economics. 1955. Vol. 69. No. 1. P. 99–118.
110. *Simon H.A.* A Behavioral Model of Rational Choice. In: Models of Man, Social and Rational: Mathematical Essays on Rational Human Behavior in a Social Setting. New York: Wiley, 1957.
111. *Stigler G.* The Theory of Economic Regulation // Bell Journal of Economics. 1971. Vol. 2(1).
112. *Stiglitz J.* Whither Socialism? MIT Press, 1996.
113. *Sturm R.* Public Goods before Samuelson: Interwar Finanzwissenschaft and Musgrave's Synthesis // The European Journal History of Economic Thought. 2010. Vol. 17. No 2. P. 279–312.
114. *Sunstein C., Thaler R.* Libertarian paternalism is not an oxymoron // University of Chicago Law Review. 2003. Vol. 70. P. 1159–1202.
115. *Sunstein C., Thaler R.* Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness. Yale University Press, 2009.
116. *Thaler R.H.* From Homo Economicus to Homo sapiens // Journal of Economic Perspectives. 2000. Vol. 14. No 1. P. 133–141.
117. *Thaler R.H., Shefrin H.M.* On Economic Theory of Self-Control // Journal of Political Economy. 1981. Vol. 89.
118. *Tietzel M., Muller C.* Noch mehr zur Meritorik // Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften. 118. Jahrgang 1998 Heft 1, Duncker & Humblot, Berlin.
119. *Toboso F.* On Institutional Individualism and Institutional Change: the Search for a *Middle Way* Mode of Explanation // Cambridge Journal of Economics. 2001. Vol. 25. No 6. P. 765–783.

120. *Tullock G., Seldon A., Brady G.* Government Failure: A Primer in Public Choice. Washington, DC: Cato Institute, 2002.
121. *Udehn L.* The Changing Face of Methodological Individualism // Annual Review of Sociology. 2002. Vol. 28. P. 479–507.
122. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. 4. Aufl. Tübingen, 1956.
123. *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. 3. Aufl. Tübingen, 1968.
124. *Winston C.* Government Failure versus Market Failure. Microeconomics Policy Research and Government Performance. Washington, DC: AEI-Brookings Joint Center for Regulatory Studies, 2006.
125. www.economist.com/node/6768159.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

А.Я. Рубинштейн

Теория опекаемых благ и патернализм
в экономических теориях: общее и особенное

Оригинал-макет – Валериус В.Е.

Редактор – Ерзнкян М.Д.

Компьютерная верстка – Гришина М.Ф.

Подписано в печать 10.03.2015 г.

Заказ № 8. Тираж 300. Объем 2,6 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0514-9

9 785994 005149